

Политическая среда китайского бизнеса на российском Дальнем Востоке¹

Леонид Евгеньевич Козлов,

кандидат политических наук, доцент кафедры международного бизнеса и финансов ВГУЭС, Владивосток.

E-mail: leonidkozlov@yahoo.com

Анастасия Константиновна Никулина,

магистрант программы «Современные исследования Восточной Азии», университет Дуйсбург-Эссен, Дуйсбург (Германия).

E-mail: anastasia.nikulina@mail.ru

Политическая среда — это одна из традиционно выделяемых теорией предпринимательства внешних сред, в которых работает фирма. В статье рассматривается влияние политической культуры, политической системы, политического процесса и государственной политики России на работу китайских предпринимателей в регионах Дальневосточного федерального округа. Эмпирическую основу статьи составляют регламентирующие российский политический процесс нормативно-правовые акты, проведённые в 2006—2014 гг. в рамках различных научных проектов экспертные интервью, личные включённые наблюдения деловой коммуникации, российско-китайские договоры и соглашения, материалы торгового представительства России в КНР, сайты государственных органов России и Китая, публикации средств массовой информации. Делается вывод о том, что региональная политическая среда на Дальнем Востоке становится неблагоприятной для малого и среднего китайского бизнеса, поскольку российское государство стремится вернуть себе контроль над экономическими процессами в этом регионе. Малому и среднему бизнесу остаётся рисковать и работать в узких, проверенных нишах, где он пока сохраняет явные конкурентные преимущества. Напротив, для крупного китайского бизнеса ситуация на Дальнем Востоке улучшается. Внешнеполитические трудности побуждают правительство России более терпимо и доверительно относиться к экономическому присутствию Китая в данном регионе. Интерес РФ привлекают именно крупные инвесторы, способные к комплексным, долгосрочным проектам, внедрению передовых технологий и при этом политически предсказуемые.

Ключевые слова: политическая среда, международный бизнес, Дальний Восток России, Китай.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда «Государство и китайский капитал на юге Дальнего Востока России (1987—2013 гг.)», № 14-31-01253a2.

Chinese Business' Political Environment in the Russian Far East.

Leonid Kozlov, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia.

E-mail: leonidkozlov@yahoo.com

Anastasiia Nikulina, University of Duisburg-Essen, Duisburg, Germany.

E-mail: anastasia.nikulina@mail.ru

Entrepreneurship theory has traditionally regarded political environment as one type of external environment in which a firm operates. The article includes observation of the influence of political culture, political system, political process and public policy of Russia on the behavior of Chinese entrepreneurs in the Russian Far East. Empirically, the article is based on the legal acts which regulate political process in Russia, expert interviews which were conducted between 2006 and 2014 in frames of various scientific projects, participant observation of business communication, Russian-Chinese treaties and agreements, documents of the Russian Trade Representation in the People's Republic of China, websites of Russian and Chinese government agencies, as well as media publications. It is concluded that regional political environment in the Far East of Russia is becoming unfavorable for the development of small- and medium-sized businesses, due to the fact that Russian government aims at regaining the control over economic processes in this region. Small- and medium-sized businesses have to either engage in risky activities or work in narrow, tested niche areas, where they still keep competitive advantage. On the contrary, such political environment in the Far East is becoming favorable for large-scale Chinese businesses. Foreign policy issues urge the Russian government to treat Chinese economic presence in the region with more tolerance and trust. The Russian side is particularly interested in large investors, who are able to implement comprehensive, long-term projects with leading technologies, and at the same time be predictable politically.

Key words: political environment, international business, Russian Far East, China.

В изучении китайского бизнеса на территории России вопрос о политических условиях его деятельности имеет высокую актуальность. Вполне вероятно, что современные формы, объёмы, товарное наполнение экономических связей России и Китая обусловлены политической средой в степени, соизмеримой с обычными деловыми факторами вроде спроса и предложения.

Политическая среда — это одна из традиционно выделяемых теорией предпринимательства внешних сред, в которых работает фирма. Изучение взаимосвязей политики и экономики продвинулось в теории мировой политики, рассматривающей макроэкономические процессы на основе статистики государств и межправительственных организаций, в то время как теория предпринимательства лишь недавно начала переходить от кейс-стадии к некоторым обобщениям в данном вопросе. Предпринимателей интересует главным образом такой его прикладной аспект, как оценка политических рисков при ведении бизнеса. Импульс соответствующим размышлениям во второй половине XX в. дал процесс

деколонизации и Кубинская революция. В ходе исследований были выделены основные политические риски (государственная нестабильность, экспроприация, валютный контроль и т.п.), предложены методы их прогнозирования (зачастую не очень результативные или слишком сложные), а также возможные варианты реагирования (страхование риска, распределение риска и др.) [16].

Цель данной статьи — показать политическую среду, в которую попадает китайский бизнес на Дальнем Востоке России. Анализируется влияние на него таких элементов политической среды Дальнего Востока, как политическая культура, политическая система, политический процесс, конкретные направления государственной политики Российской Федерации. Полученный эмпирический результат в дальнейшем будет использован для формирования объяснительных моделей взаимодействия российского государства и китайского бизнеса.

Эмпирическую основу статьи составляют регламентирующие политический процесс нормативно-правовые акты РФ, проведённые в 2006—2014 гг. в рамках различных научных проектов экспертные интервью, личные наблюдения деловой коммуникации, российско-китайские договоры и соглашения, материалы Торгового представительства России в КНР, сайты государственных органов России и Китая, публикации средств массовой информации.

С экономико-географической точки зрения Китай должен быть основным внешнеэкономическим партнёром Дальнего Востока и Забайкалья, но это подтверждается только внешней торговлей, да и в ней доля Китая (29% в 2012 г.) сравнима с японской и южнокорейской. В инвестициях и производственной кооперации с дальневосточными регионами доля Китая крайне мала [2; 6]. Китайское присутствие локализовано в нескольких не самых прибыльных рыночных нишах: мелкооптовая торговля, общественное питание, лесозаготовки, жилищное строительство, овощеводство. Двусторонний товарооборот сохраняет высокую степень уязвимости от колебаний ценовой конъюнктуры международной торговли. Российский экспорт всё больше концентрируется в нескольких товарных группах, связанных с сырьём и промышленной продукцией первичного передела. Китайские поставки в Россию, несмотря на более разнообразную номенклатуру, постепенно утрачивают конкурентоспособность, что обусловлено в первую очередь повышением расходов на оплату сырья, рабочей силы и других факторов производства внутри Китая [12].

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Политическая культура представляет наиболее значимым элементом политической среды китайского бизнеса на Дальнем Востоке (особенно малого и среднего). Специалисты отмечают, что Китай занял важное место в геополитических представлениях дальневосточников,

сложился широкий спектр конкретных стереотипов [11, с. 175; 9, с. 204]. На наш взгляд, не очень благоприятный фон для экономических связей создают следующие политико-культурные причины (разумеется, наряду с экономическими):

- историческое недоверие, сформированное такими проблемами, как экспансия России в XVII—XIX вв., неоднозначные пограничные договоры, «маньчжурский клин», экстрадиция китайцев при Сталине, конфликт Хрущёва и Мао, сражение за остров Даманский и т.п.) [подробнее см.: 4, с. 9—52];
- соотношение основной части населения России в той или иной степени с европейской христианской культурой, чуждость буддийско-конфуцианской культуре (поэтому и бизнес, и власть России пытаются в первую очередь сотрудничать с европейскими странами, а в обществе распространено чувство превосходства над китайцами) [11, с. 139—141];
- страх повторения 90-х гг., когда зарубежные страны пытались воспользоваться слабостью России, стоящей перед угрозой распада;
- авторитарная традиция, в которой вышестоящая власть опасается делегировать полномочия нижестоящим, а власть в целом опасается ослабить контроль над обществом.

Эти причины формируют настороженное отношение к китайским инвесторам, к деловым предложениям китайской стороны. И федеральные,

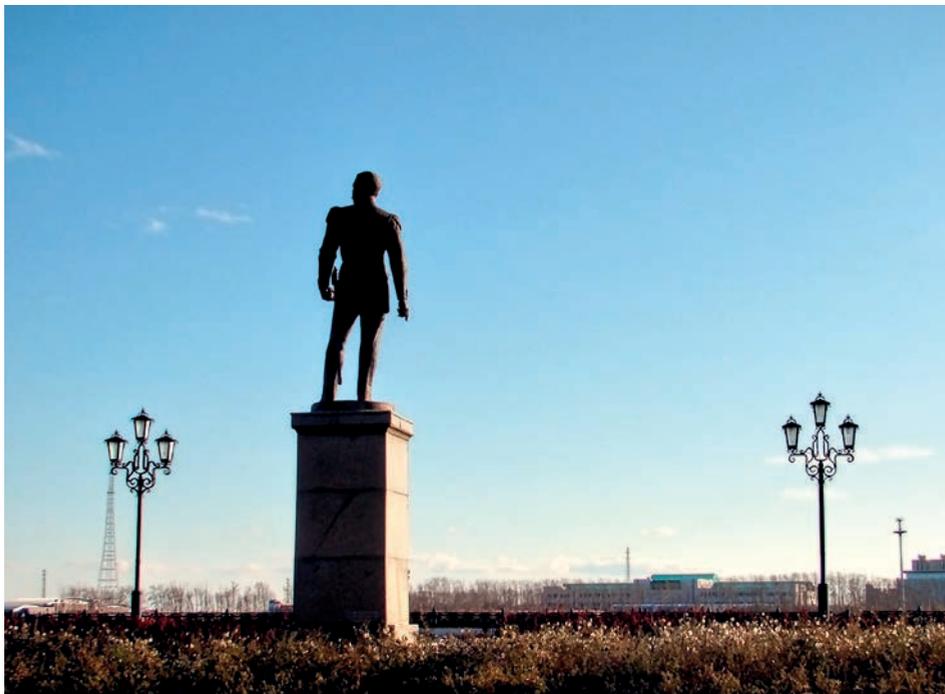

Рис. 1. Памятник Н.Н. Муравьеву-Амурскому, обращённый в сторону Амура и Китая, в Благовещенске, 2009 г. Фото Л.Е. Козлова

и региональные политики выражают озабоченность зависимостью Дальнего Востока от китайской экономики. Китайцы рассматриваются как временщики, желающие быстро и хищнически эксплуатировать российские природные ресурсы. Например, губернатор Приморского края В.В. Миклушевский во время поездки в Шкотовский район заявил: «Десять тысяч гектаров бывшего военного совхоза — это ресурс, его можно сдать в аренду. Я прошу быть аккуратнее с нашими китайскими партнёрами, потому что пока у нас опыт скорее отрицательный, чем положительный. Землю портят, привозят мигрантов, которые работают, как правило, нелегально» [1].

Г.И. Петров, начальник управления экономики администрации Еврейской автономной области, так объяснил объективность противоречий между российским государством и китайским бизнесом: «Вы же понимаете, что это Китай. Они не спешат вкладывать сюда деньги, тем более в передовые технологии. Им бы сырьё отсюда утащить. А с этим делом у нас не проходит. Хотите рубить лес? Да нет проблем: перерабатывайте тут, у нас... Ну, вроде работаем — и долго. С китайцами вообще быстро никогда не получается. Трудно, но наша проблема — привлечь сюда их деньги. Вот что такое инвестиции. А их задача — вытащить отсюда ресурсы и своих «бичей» сюда засунуть, так называемую рабочую силу» (интервью, Биробиджан, 2010 г.). Распространено мнение о наличии в КНР некоего плана по колонизации Дальнего Востока и, соответственно, планомерной массовой иммиграции, в качестве доказательств этого воспринимаются дешёвые кредиты от китайских банков, с трудом полученные северо-восточными провинциями у Пекина льготы.

Конвергенция двух культур идёт очень медленно. Практически отсутствует общественно-политический диалог, доверительный и при этом публичный, характерный для европейской традиции, но чуждый азиатской. В сфере международных и внешнеэкономических связей регионов совершается множество формальных действий, имеющих основной целью создание благоприятной картины, но не конкретных бизнес-проектов [5, с. 60—61]. Сотрудничество между дальневосточными и китайскими СМИ сталкивается с той же проблемой формализма, которую назвал И.Г. Горевой, директор телекомпании «Альфа-канал»: «У нас немножко разное вообще построение новостей, менталитет, степень демократизации и всё остальное. Потому что у них более официоз идёт. Иногда легче нам отправить туда съёмочную группу и снять что-то, как мы это видим» (интервью, Благовещенск, 2006 г.).

При этом рисовать картину исключительно в чёрном цвете будет преувеличением. Политическая культура России не нацелена на конфликт, строится на созидательных ценностях, а не на отрицании чего-либо. Поэтому образ китайцев в массовом сознании сочетает негативные черты с положительными: «трудолюбивые», «непьющие», «семейные» [4, с. 141—154; 11, с. 167—171]. Кроме того, наличие негативных стереотипов не обязательно побуждает дальневосточников к негатив-

ному действию в отношении китайцев [9, с. 222]. Оценка российско-китайских отношений в массовом сознании россиян всегда была довольно позитивной, Китай воспринимается как важнейший внешнеполитический партнёр [11, с. 157—159].

Уличные инциденты между русскими и китайцами на Дальнем Востоке в последние годы происходят заметно реже. Снижается напряжённость в восприятии китайской иммиграции, потому что по объективным причинам и туристов, и студентов, и рабочих стало прибывать намного меньше. Расширяется число изучающих Китай и китайский язык. При этом на смену прежним стереотипам приходят новые негативные и позитивные впечатления, но это уже не схематичный, а реальный образ, на основании которого можно принимать более эффективные решения и делать более надёжные прогнозы.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Политические институты и законы России не должны составлять специального препятствия именно для китайского бизнеса, потому что в данных условиях работают многие иностранные инвесторы и добиваются значимых результатов. Напротив, существует много институтов российско-китайского взаимодействия, в том числе Постоянная рабочая группа по приграничному и межрегиональному торгово-экономическому сотрудничеству, Координационный совет по межрегиональному и приграничному торгово-экономическому сотрудничеству, межправительственные комиссии, обширная сеть консульских, торговых, региональных и муниципальных представительств. Работает механизм регулярных, частых встреч на высоком и высшем уровнях. Помимо взаимодействия в рамках традиционных международных организаций Россия и Китай создают новые (БРИКС и ШОС). Двусторонние отношения опираются на широкую договорно-правовую базу.

Деловые связи институционализируются в различных форматах, в том числе Российско-Китайский Деловой Совет, Дальневосточный и Байкальский экономические форумы и т.п. Харбинская ярмарка проводится при содействии Торгового представительства РФ, КНР и является одним из многочисленных мероприятий, направленных на расширение делового сотрудничества между Россией и Китаем. В её рамках с 2009 г. проводится «Биржа деловых контактов», индивидуальные деловые бизнес-встречи российских и китайских компаний. По мнению зампреда МИД РФ в Благовещенске В.И. Бирюкова, «Харбинская ярмарка — это, естественно, выезд полпреда, выезд согласованной делегации всех субъектов Дальневосточного федерального округа, предпринимателей, бизнесменов, политиков. У китайской стороны уровень нашей делегации всегда вызывает уважение. И от этого, естественно, зависит успех каких-то переговоров» (интервью, Благовещенск, 2006 г.).

Если же говорить о характерных свойствах политической системы России в целом, в первую очередь бизнес должен учитывать её централизм. Законодательная и судебная ветви власти на практике не обладают полноценной самостоятельностью и независимостью от исполнительной ветви. Реформы В.В. Путина в политико-административной структуре ослабили региональные элиты и сконцентрировали ресурсы в руках федеральной бюрократии. Федеральный центр оставил за собой принципиально важные с точки зрения общенациональных интересов объекты инфраструктуры, энергетики, добычи полезных ископаемых. У региональных и муниципальных администраций осталось немного полномочий, поэтому политические вопросы внешнеэкономических связей с ними решает, скорее, даже не средний, а малый бизнес. Крупный же бизнес осуществляет договорённости в Москве.

Этатистские традиции России и Китая приводят к тому, что большие двусторонние проекты реализуются сугубо при наличии доброй воли национальных правительств (как правило, такие контракты подписываются в ходе встреч на высшем уровне) государственными или окологосударственными компаниями, которые также создают основной объём товарооборота и инвестиций. Российско-Китайский инвестиционный фонд, создаваемый с 2011 г. усилиями государственных финансовых институтов, нацелен на инвестирование в крупные проекты. На Дальнем Востоке таких примеров ещё не было, но в ходе визита В.В. Путина в Китай

Рис. 2. Презентация города Муданьцзян в Приморском крае, 2013 г.
Фото Л.Е. Козлова

в 2014 г. был задан вектор сотрудничества именно в восточной части России. По наблюдениям А. В. Липинского, председателя Магаданской Торгово-промышленной палаты, в отношении его региона проявляют интерес крупные компании КНР с государственным капиталом: «Но пока это всё, насколько я знаю — на протяжении, наверное, трёх лет на уровне предварительных встреч, договоров, соглашений. По результатам визита в Магадан министра по развитию Дальнего Востока Трутнева задавался вопрос о сотрудничестве в освоении природных ресурсов (в частности с китайскими компаниями). На что был получен ответ: «Занимайтесь, работайте, сотрудничайте» (интервью, Магадан, 2014 г.).

Согласно выводам Д. В. Кислицына, в российском бизнесе — особенно крупном, региональном — для коммерческого успеха чрезвычайно важен политический ресурс, который накапливается такими методами, как включение в совет директоров лиц, обладающих тем или иным политическим влиянием. Выгоду этот ресурс приносит посредством налоговых льгот, государственных гарантий по кредитам, передачи государственной собственности, государственного заказа и т. п. [8, с. 153—154]. Политический ресурс китайских компаний оценить затруднительно, потому что реальных собственников в регионах скрывают и российская, и китайская стороны. Например, пресса Владивостока сообщала, что А. И. Баранов, местный политик от Либерально-демократической партии, связан со строительной компанией «Армада» [15]. Примечательно, что на сайте компании, данные о китайских собственниках которой содержатся в государственном реестре юридических лиц, о китайских инвестициях нет ни слова.

Предполагаем, что политические связи малому и среднему бизнесу было проще накапливать в прежней системе отношений «центр — регионы», а сейчас региональные руководители стали быстро ротируемой бюрократической массой, не имеющей долгосрочного влияния на местах. К связям с Китаем малого и среднего бизнеса Дальнего Востока российское государство относится с недоверием и пытается поставить их под контроль, правда, без заметного успеха [5, с. 63—65].

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Политическая жизнь в России эволюционировала в последнее десятилетие под воздействием общественного запроса на авторитаризм и патернализм в сторону сокращения публичной конкуренции. Как указывает Е. Б. Григорьева, «значительная часть российского населения устала от пустой публичной политики, политической конкуренции, социального неравенства и признаёт целесообразность концентрации власти в одних руках» [3, с. 52]. Поскольку в таких условиях контрэлита и оппозиция могут оформляться лишь в качестве радикальных движений, действующая власть остаётся единственным политическим партнёром иностранного бизнеса.

Партия власти «Единая Россия» помогает региональным политикам получить доступ к ресурсам централизованной политической системы.

Региональная администрация очень слабо зависит от общества, ведь её главная легитимизация исходит от главы государства, пользующегося непререкаемым авторитетом. Будет преувеличением утверждать, что губернаторы не пытаются учитывать общественные настроения в своей работе, но их попытки сделать это преломляются сквозь призму «вассальных» ритуалов и личных обязательств. В частности, федеральные и региональные лидеры много говорят о необходимости иностранных инвестиций, в реальности же начать инвестиционный проект без личной заинтересованности ответственных руководителей очень сложно. Логичным следствием централизации и персонализации политики, на наш взгляд, стало преобладание в иностранных инвестициях на Дальнем Востоке сахалинских шельфовых проектов или переводов из офшоров, де-факто принадлежащих местным владельцам.

Способы принятия решений (соответственно, и политико-экономические переговоры) в таком политическом процессе закрыты от общества. Доминирующей формой политического представительства стали группы интересов. По мнению А.Х. Сукиасяна, власть и бизнес испытывают друг к другу постоянное недоверие, обусловленное тем, что предпринимательская деятельность зачастую невозможна при буквальном соблюдении юридических норм: «Поэтому российское бизнес-сообщество вынуждено реализовывать свою социально-политическую деятельность в контексте превалирования неформальных практик, „режима консультаций“». Подобный контекст ограничивает свободу действий бизнес-сообщества относительно реализации собственных социально-политических инициатив, вследствие чего действия бизнес-сообщества нередко характеризуются импульсивностью» [18, с. 114—115]. Соответственно тот китайский бизнес, который ведётся на Дальнем Востоке по «серым» и «чёрным» схемам, является временным и ненадёжным.

Единственная ветвь власти регионального уровня, состав которой центр не может контролировать полностью, — законодательная, в неё иногда проходят кандидаты от парламентской оппозиции. Есть примеры победы оппозиционных кандидатов на выборах глав муниципалитетов. Общественные организации, несмотря на ряд символических шагов в их поддержку, правительство старается оградить от политического участия.

В целом канал публичной политики в регионах России слишком узок, чтобы иностранный бизнес использовал его для продвижения своих лоббистов. Общественных организаций китайцев на Дальнем Востоке очень мало, диаспоризация идёт медленно, гражданство получают единицы, поэтому говорить об их полноценном политическом участии сегодня не приходится [7, с. 43]. Отмечены эпизодические протестные акции китайских рабочих по поводу невыплаты зарплаты. Сюэ Хуэйлинь, редактор газеты «Восточный мост», так оценил повестку китайских предпринимателей на Дальнем Востоке: «Единственный вопрос, который беспокоит китайцев:

все хотят, чтобы Россия разрешила торговать, торговать свободно, работать без всех этих разрешений. Вы знаете, разрешение получить — полгода пройдёт. А без разрешения милиция дёргает, деньги вымогает, миграционная служба... В общем, один бардак. Китайцев беспокоит именно этот вопрос. Остальные — не очень» (интервью, Владивосток, 2008 г.).

Как отмечает В.А. Казакова, несмотря на федеративную форму устройства государства, в России сформирована такая вертикаль власти,

Рис. 3. Гостиница «Азия» в Благовещенске, пример китайских инвестиций на Дальнем Востоке, 2009 г. Фото Л.Е. Козлова

в которой решение многих вопросов местного значения в финансовом и организационном плане зависит от правил и даже субъективных факторов, установленных в столице. В этом плане российский бизнес повторяет государственную парадигму: государственные и частные компании, имеющие свои филиалы на Дальнем Востоке, также пытаются управлять как можно большим числом процессов на местах. Зачастую представительство, вынужденное согласовывать свои действия с топ-менеджментом головной компании, долго не может принять решение по итогам переговоров с иностранными партнёрами [13, с. 139].

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА

Государство своей политикой может создавать благоприятный или неблагоприятный для зарубежных предпринимателей климат. Обычно бизнесмены выступают за усиление государственного регулирования экономики, когда речь идёт о нейтрализации внешних эффектов, вызываемых рынком, устранении структурных перекосов и деформаций, но противятся ограничениям на передвижение своих капиталов, товаров, услуг, рабочей силы.

Дальний Восток — одна из территорий России, где управление развитием осуществляется на основе комплексного плана. Внимание федерального центра к данному региону несомненно, хотя результативность региональной политики остаётся невысокой (несмотря на масштабные инвестиции в подготовку саммита АТЭС и др. объекты, в 2011—2012 гг. динамика валового регионального продукта сравнялась со среднероссийской, регионы сохранили очень низкий уровень бюджетной самообеспеченности, удельный вес убыточных предприятий был самым высоким среди всех федеральных округов) [17, с. 15—16]. С активной региональной политикой на Дальнем Востоке сопрягаются энергетическая и транспортная политики, в объекты которых по федеральным целевым программам были сделаны основные инвестиции.

Китайские и другие иностранные компании до сих пор допускались в проекты развития национального масштаба на уровне субподрядчиков, например, в строительство нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан». Попытка корреляции региональной политики посредством Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР оказалась безуспешной, основная часть проектов не была реализована или пошла по другому руслу [5, с. 61].

Задачи повышения добавленной стоимости в экспортных товарах, технологической модернизации, диверсификации производства, продовольственной безопасности последовательно реализуются федеральным правительством в промышленной, внешнеторговой, таможенной, аграрной политике и вынуждают иностранных инвесторов отходить от примитивной эксплуатации российских природных ресурсов. Относи-

тельно финансовой политики России, учитывая крайнюю дороговизну кредитов на отечественном рынке, напрашивается вывод, что она даёт сравнительное преимущество китайскому капиталу. Налоговая политика является объектом постоянных жалоб со стороны российского бизнеса, использующего различные схемы минимизации налогового бремени. Механизм свободных экономических зон на Дальнем Востоке устойчиво применяется только в Магадане, однако правительство предполагает серьёзно продвинуться в построении т.н. территорий опережающего развития. Ещё не завершены оптимизация государственного регулирования и создание «электронного правительства», однако определённые успехи достигнуты; в случае внешней торговли Дальнего Востока отметим прогресс в электронизации таможенного оформления. Миграционная политика России постепенно движется в сторону упрощения и адаптации мигрантов, но для китайского бизнеса её значение сокращается по мере сокращения въезда малоквалифицированной рабочей силы из Китая.

Внешняя политика России медленно, но верно переориентируется в сторону Восточной Азии, к чему дополнительно побуждает украинский политический кризис 2014 г. Главная политическая проблема между Россией и Китаем — пограничная — была успешно решена, в прочих территориальных спорах стороны не критикуют друг друга. Экономические отношения дополняются военно-политическими и культурными

Рис. 4. Владивосток в период проведения саммита АТЭС, 2012 г.
 Фото Л.Е. Козлова

инициативами. В качестве экономических ориентиров утверждены задачи довести взаимную торговлю до 100 млрд долл. к 2015 г. и до 200 млрд долл. к 2020 г. [10].

Президент России В.В. Путин установил хорошие личные контакты, неоднократно встречался с китайскими лидерами трёх последних поколений. В статье 2012 г. «Россия и меняющийся мир» от имени В.В. Путина отмечена возрастающая роль АТР в мире, подробно описано отношение России к экономическому подъёму Китая, подчёркнуто, что самый крупный и динамично развивающийся восточный сосед России — это не угроза, а стимулирующий вызов: «Мы должны активнее выстраивать новые кооперационные связи, сопрягая технологические и производственные возможности наших стран, задействуя — разумеется, с умом — китайский потенциал в целях хозяйственного подъёма Сибири и Дальнего Востока» [14].

Для вхождения на российский рынок китайскому капиталу нужно тщательно изучить и понять местную среду, чтобы не повторять ошибок, совершённых многими инвесторами. Малый и средний китайский бизнес, который работает на Дальнем Востоке, едва ли знаком с методами оценки политических и прочих рисков, едва ли способен к системному осмыслению внешней среды. Собственно, для малого и среднего бизнеса благоприятность политической среды снижается, поскольку государство стремится возратить себе контроль над экономическими процессами. Такому бизнесу остаётся рисковать и работать в узких, проверенных нишах, где сохраняются явные конкурентные преимущества (прежде всего дешёвые кредиты и пока ещё низкая стоимость неквалифицированной рабочей силы). Ожидать интенсификации малого и среднего китайского бизнеса на Дальнем Востоке, в том числе через Программу сотрудничества регионов, не следует.

Напротив, для крупного китайского бизнеса ситуация на Дальнем Востоке улучшается. Внешнеполитические трудности побуждают правительство России более терпимо и доверительно относиться к экономическому присутствию в регионе Китая. Россию привлекают именно крупные инвесторы, способные к комплексным, долгосрочным проектам, внедрению передовых технологий и при этом политически предсказуемые.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Владимир Миклушевский провёл выездное заседание в Шкотовском районе // ОТВ-Прим. Владивосток, 2014. 9 июля. URL: <http://www.otvprim.ru/blog/16/13041> (дата обращения: 01.07.2014).
2. Внешняя торговля // Межрегиональная ассоциация «Дальний Восток и Забайкалье». Хабаровск, 2014. URL: http://assoc.khv.gov.ru/fe.nsf/pages/fecon_ftrade.htm (дата обращения: 01.07.2014).
3. Григорьева Е.Б. Политические эффекты авторитарного синдрома в современном политическом процессе России // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 379. С. 46—54.

4. Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск: Амурский гос. ун-т. 2009. 412 с.
5. Иванов С.А. Влияние государства на российско-китайские торгово-экономические взаимодействия // Россия и АТР, 2013. № 4. С. 59—72.
6. Инвестиции // Межрегиональная ассоциация «Дальний Восток и Забайкалье». Хабаровск, 2014. URL: http://assoc.khv.gov.ru/fe.nsf/pages/fecon_invest_view.htm (дата обращения: 01.07.2014).
7. Киреев А.А. Существует ли на Дальнем Востоке России китайская диаспора? // Ойкумена. Регионоведческие исследования. Владивосток, 2013. № 4. С. 28—47.
8. Кислицын Д.В. Интернализированный политический ресурс в современной экономике России: количественная оценка для регионального крупного бизнеса // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: Экономическая. 2013. № 1. С. 149—154.
9. «Китайское измерение» дальневосточной повседневности: материалы исследования: монография. Владивосток: ТИНРО-центр, 2005. 244 с.
10. Кузьмин В. Понятный китайский // Российская газета. М., 2012. 7 дек. URL: <http://www.rg.ru/2012/12/06/kitay-site.html> (дата обращения: 01.07.2014).
11. Ларин В.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников: эволюция взглядов и представлений на рубеже XX—XXI вв. Владивосток: Дальнаука, 2011. 312 с.
12. Основные итоги деятельности Торгпредства России в КНР по развитию торгово-политических связей в 2012 г. Отчёт и приложения к отчёту. Пекин, 2013 [Рукопись].
13. Политические и экономические факторы конкурентоспособности России в Азиатско-Тихоокеанском регионе: дальневосточный срез: колл. монография / науч. ред. Л.Н. Гарусова, Т.В. Терентьева. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2013. 232 с.
14. Путин В. Россия и меняющийся мир // Российская газета. М., 2012. 27 февр. URL: <http://www.rg.ru/2012/02/27/putin-politika.html> (дата обращения: 01.07.2014).
15. Ратовский. И. Барановы во власти // Ежедневные новости Владивостока. Владивосток, 2008. 18 сент. URL: <http://novostivl.ru/msg/4878.htm> (дата обращения: 01.07.2014).
16. Решетников Г.О. Формализованные методы управления политическими рисками бизнеса // Вестник МГИМО-Университета, 2011. № 4. С. 163—170.
17. Рудько-Силиванов В.В. Развитие Дальнего Востока в координатах Государственной программы // Деньги и кредит, 2013. № 10. С. 14—20.
18. Сукиасян А.Х. Дефицит социального капитала российского бизнес-сообщества как фактор накопления политического риска // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. № 1. С. 122—126.

REFERENCES

1. *Vladimir Miklushevsky provyol vyezdnoe soveshchanie v Shkotovskom rayone* [Vladimir Miklushevsky held a visiting session in the Shkotovsky district]. OTV-Prim. Vladivostok, 2014, July 09. Available at: <http://www.otvprim.ru/blog/16/13041> (accessed 01.07.2014). (In Russ.)
2. *Vneshnyaya trgovlya* [Foreign trade]. *Mezhregionalnaya associatsiya "Far East and Transbaikal"*. Habarovsk, 2014. Available at: http://assoc.khv.gov.ru/fe.nsf/pages/fecon_fttrade.htm (accessed 01.07.2014). (In Russ.)
3. Grigoryeva Ye.B. Politicheskie efekty avtoritarnogo sindroma v sovremennom politicheskom processe Rossii [The political effects of the authoritarian syndrome in the

- modern political process of Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 379, pp. 46—54. (In Russ.)
4. Zabayako A.P., Kobyzov R.A., Ponkratova L.A. *Russkie i kitaytsy: etnomigratsionnye processy na Dal'nem Vostoke* [Russian and Chinese: ethnic and migration processes in the Far East]. Blagoveshchensk, Amur State Univ. Publ., 2009, 412 p. (In Russ.)
 5. Ivanov S.A. Vliyaniye gosudarstva na rossiisko-kitayskie torgovo-ekonomicheskie vzaimodeistviya [State influence on the Russian-Chinese trade and economic cooperation]. *Rossiya i ATR*, Vladivostok, 2013, no. 4, pp. 59—72. (In Russ.)
 6. *Investitsii* [Investment]. Available at: http://assoc.khv.gov.ru/fe.nsf/pages/fecon_invest_view.htm (accessed 01.07.2014). (In Russ.)
 7. Kireev A.A. Sushchestvuyet li na Dal'nem Vostoke Rossii kitayskaya diaspora? [Is there a Chinese diaspora in the Russian Far East?]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya*, 2013, no. 4, pp. 28—47. (In Russ.)
 8. Kislytsyn D.V. [Internalized political resource in the contemporary economy of Russia: quantitative assessment for regional big business]. *Nauchnye trudy Donetskogo natsional'nogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomicheskaya* [Research Works of Donetsk National Technical University. Economics Series], 2013, no. 1, pp. 149—154. (In Russ.)
 9. “*Kitayskoe izmerenie*” *dal'nevostochnoy povsednevnosti: materialy issledovaniya* [“The Chinese dimension” of everyday life of the Far East: findings of investigation]. Vladivostok, TINRO-Center Publ., 2005, 244 p. (In Russ.)
 10. Kuz'min V. Ponyatnyy kitayskiy [Understandable Chinese]. *Rossiyskaya gazeta. Moscow*, 2012, December 07. Available at: <http://www.rg.ru/2012/12/06/kitay-site.html> (accessed 01.07.2014). (In Russ.)
 11. Larin V.L., Larina L.L. *Okruzhayushchiy mir glazami dal'nevostochnikov: evolutsiya vzglyadov i predstavleniy na rubezhe XX—XXI vekov* [The outside world through the eyes of the inhabitants of the Far East: the evolution of attitudes and perceptions at the turn of XX—XXI centuries]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2011, 312 p. (In Russ.)
 12. Osnovnye itogi deyatelnosti Torgpredstva Rossii v KNR po razvitiyu torgovo-politicheskikh svyazey v 2012 g. Otchot i prilozheniya k otchotu [The main results of the Trade Mission of Russia in the PRC in the development of trade and political contacts in 2012. The report and appendices]. Beijing, 2013. (In Russian, Unpublished).
 13. Garusova L.N., Terentyeva T.V., eds. *Politicheskie i ekonomicheskie faktory konkurentosposobnosti Rossii v aziatsko-tikhookeanskom regione: dal'nevostochnyy srez* [Political and economic factors of competitiveness of Russia in the Asia-Pacific: the case of the Far East]. Vladivostok, VGUES Publ., 2013, 232 p. (In Russ.)
 14. Putin V. Rossiya i menyayushchiysya mir [Russia and the changing world]. *Rossiyskaya gazeta. Moscow*, 2012, February 27. Available at: <http://www.rg.ru/2012/02/27/putin-politika.html> (accessed 01.07.2014). (In Russ.)
 15. Rатовsky I. Baranovy vo vlasti [Baranov are in power]. *Yezhednevnye novosti Vladivostoka*, 2008, September 18. Available at: <http://novostivl.ru/msg/4878.htm> (accessed 01.07.2014). (In Russ.)
 16. Reshetnikov G.O. Formalizovannyye metody upravleniya politicheskimi riskami biznesa [Formalized methods of political risk management in business]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2011, no. 4, pp. 163—170. (In Russ.)
 17. Rud'ko-Silivanov V.V. Razvitie Dal'nego Vostoka v koordinatakh Gosudarstvennoy programmy [Development of the Far East within the framework of the state target program]. *Den'gi i kredit*, 2013, no. 10, pp. 14—20. (In Russ.)
 18. Sukiassian A.Kh. Defitsit social'nogo kapitala rossiyskogo biznes-soobshchestva kak faktor nakopleniya politicheskogo riska [The deficit of the social capital of the Russian business community as a factor in the accumulation of political risk]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2013, no. 1, pp. 122—126. (In Russ.)